

австралийцев. На стр. 28 автор говорит о свиньях и собаках как о единственных домашних животных Океании, упуская из виду курицу, имевшую местами не меньшее значение. На стр. 44 он описывает охотничьи племена прерий Северной Америки, ни слова не говоря о том, что к охотничьему хозяйству эти племена перешли совсем недавно, будучи вытеснены колонизаторами из более восточных областей, где они занимались земледелием. Напротив, на стр. 48 автор почему-то приписывает земледельческое хозяйство навахам и апачам, которые никогда его не знали. На стр. 60 В. И. Равдоникас поселяет папуасов войя-венда в «центральную часть Новой Гвинеи», когда они в действительности живут в северо-западной части острова. Племена массим (юго-восточная Новая Гвинея) он называет папуасскими (стр. 69), хотя они принадлежат на самом деле к меланезийцам. Ирокезам автор приписывает «турано-ганованскую» систему родства (стр. 40), хотя «туранскими» системами Морган, как известно, называл распространенные у народов Азии системы родства, основанные на мужском (а не на женском, как ганованские) счете происхождения.

Очень странное впечатление производит заявление В. И. Равдоникаса о распространении «узловое письмо» у индейцев Северной Америки; у народов же Мексики и Перу, по его мнению, применялось «письмо, напоминающее наши ребусы», т. е. иероглифическое (стр. 132). Но ведь не надо быть этнографом, чтобы знать, что на самом деле, как раз наоборот, в Перу употреблялось «узловое» письмо (кипу), иероглифическое же там не было известно, а существовало у майя и ацтеков. В другом месте автор приписывает тем же мексиканцам одомашнение ламы и альпака (стр. 14—15).

На стр. 319 автор говорит о кумыках и лезгинках, как о народах, «родственных караевцам». В каком смысле надо понимать это «родство» яфетического народа с тюркоязычным, неизвестно. Далее, почти рядом, мы встречаем такой перечень южнославянских народов: «черногорцы, хорваты, сербы, болгары, далматинцы» (стр. 320). Странная классификация! Ведь известно, что черногорцы — это те же сербы, а далматинцы — частью сербы, частью хорваты.

В книге встречается столь частое искажение этнических названий и местных слов, что невольно напрашивается мысль, что автор не видел соответствующих источников. Так, на стр. 207 первого тома приводятся названия восьми «брачных классов» племени арунта, но из них пять названий искажены до полной неузнаваемости. Известное название тотемических обрядов у тех же арунта «интичума» автор пишет несколько раз «интихиум» (стр. 220—222), причем относит и слово и самый обряд к австралийцам вообще. Бразильское племя труман автор переделал в «тумаи» (стр. 220, три раза). Хорошо известное религиозно-магическое представление народов Океании о «мане» проф. Равдоникас упорно и многократно (стр. 108—110) называет «ману», — кто знает, не смешивая ли с «законами Ману» древних индусов?

Нельзя не обратить внимание и на неряшливость в географических названиях. По словам проф. Равдоникаса (ч. I, стр. 26) Миклухо-Маклай «изучал население Малакки и Манилы» (?). Хорватию В. И. Равдоникас называет «Кроацией» (стр. 134), Крапинскую стоянку относит в одном месте к этой стране (правильно), но в другом — к Австрии (стр. 174).

Вывод из всего сказанного представляется достаточно ясным. Автор рецензируемой работы, большой эрудит в области археологии, справедливо решил, что без этнографии нельзя построить курса истории первобытного общества. Но к этнографии он отнесся недостаточно серьезно. Это, к сожалению, и не ново. До сих пор существует взгляд на этнографию как на некое сборище курьезов, которым можно пользоваться, не будучи специалистом. До сих пор имеется отношение к этнографическому материалу, как к бесхозяйному имуществу, откуда каждый может брать что хочет. До сих пор не все понимают, кроме того, разницу между этнографическим материалом и этнографической наукой — разницу, которую хорошо отметил еще Н. И. Надеждин, один из писателей русской этнографии, 100 лет назад. Но тогда, при Надеждине, этнографии как науки — как он и сам указывал — еще не было. Теперь она есть. Советская этнография представляет собой вполне сложившуюся науку, со своими принципами, со своим методом, со своими проблемами, с прочно установленными фактами. Игнорировать советскую этнографическую науку, пользоваться по дилетантски кое-какими, случайно там и сям набранными фактами, подбирать даanzo заброшенные буржуазные этнографические теории и на основе всего этого строить «историю первобытного общества» — от такого способа действия хорошего ждать нельзя.

С. Токарев

С. И. Руденко, *Древняя культура Берингова моря и эскимосская проблема*. Под общей редакцией академика Л. С. Берга и члена-корреспондента Академии Наук СССР проф. В. И. Равдоникаса, Изд-во Главсевморпути, М.—Л., 1947, стр. 116 + 38 таблиц.

Основанная на материалах предварительных археологических обследований, проведенных автором на Чукотском полуострове в 1945 г., на коллекциях наших музеев и исчерпывающем использовании литературы, работа проф. С. И. Руденко с большим вниманием встречена не только археологами, но и всеми, кто интересуется сложными

проблемами древнего заселения севера, происхождения американского человека, этногенеза народов Северной Азии и Северной Америки, ибо рассмотрение всех указанных вопросов неотделимо от темы рецензируемого труда. Чтобы оценить его значение, надо хотя бы кратко коснуться состояния вопроса до проведенных проф. Руденко работ.

На протяжении последних двух десятилетий были проведены раскопки на арктическом побережье Америки и на островах Берингова пролива и открыт ряд древних культур, прослеживаемых, начиная с последних столетий до нашей эры. Эти исследования позволили наметить ряд стадий в развитии культуры арктического побережья, из которых древнейшая была названа берингоморской — по району своего распространения на островах Берингова пролива и на американском побережье Берингова моря. Берингоморская культура в конце I тысячелетия н. э. сменяется в указанном районе так называемой пунукской стадией, продолжающейся вплоть до XVII в. Восточной границей распространения берингоморской культуры является мыс Барсу, где обнаружена культура иного облика, так наз. бирнирской стадии. На основе бирнирской культуры развивалась, повидимому, культура тулэ, распространенная по арктическому берегу Канады и в Гренландии. Раскопки в Гренландии показали, что эскимосы проникли сюда на стадии культуры тулэ в IX—X вв. н. эры.

Все указанные культуры характеризуют их носителей как арктических охотников на морского зверя и различаются по типу жилищ, форме гарпунов, характеру других орудий, и особенно, по стилю орнаментации на костяных изделиях. Различия эти очень характерны. Помимо указанных культур надо отметить ещё так наз. культуру ипиутак у мыса Хоп, замечательную по характеру своих погребений, недостаточно ясную по своему возрасту и генезису дорсетскую культуру к югу от Баффиновой земли и, наконец, так наз. оквикскую, обнаруженную на острове из Пунукских островов и датируемую открывшим эту культуру исследователем ещё более ранним временем, чем древнейшая берингоморская культура.

Проследив указанные выше культуры на американском побережье и наметив районы их распространения, зарубежные исследователи были поставлены перед вопросом об их генезисе, об их связях с культурами арктического побережья Азии. Был высказан ряд гипотез, но построения эти не выходили из сферы догадок, и, как правило, оказывались несостоятельными. Вот почему археологические работы на арктическом побережье Сибири не могли не стать важной задачей советских исследователей. Выполнение ее было начато Северо-восточной экспедицией Института этнографии и Института истории материальной культуры АН СССР (автором рецензируемой книги и И. П. Лавровым). Итоги произведенных С. И. Руденко работ изложены в рассматриваемой книге, в которой автор привлекает также и материалы И. П. Лаврова.

Обследование охватило ряд пунктов на Чукотском полуострове от Уэлена до селения Энмылен. Систематические раскопки не производились, но собранный материал очень значителен и позволил С. И. Руденко выделить здесь ряд стадий, наметить их соотношения и выступить с гипотезой происхождения культуры эскимосов. Книга состоит из нескольких глав. Первая посвящена подробному историографическому обзору эскимосской проблемы; особое место уделено рассмотрению взглядов советских исследователей по вопросу о происхождении эскимосов. Вторая глава даёт описание обследованных древних поселений, подробную характеристику инвентаря и его типологию; она иллюстрируется помещенными в конце книги таблицами прекрасно выполненных рисунков (более 1000 рисунков, исполненных большей частью в 1/2 нат. вел.). Значение этого иллюстративного материала трудно переоценить. К сожалению, не указано происхождение отдельных предметов, часть которых, по сообщению автора, приобреталась у местных жителей. Третья глава посвящена сравнительному анализу типов жилищ, орудий промысла, техники каменных орудий, обработки кости и дерева, средств передвижения и др. Автор подробно останавливается на анализе искусства и рассматривает вопрос о социальном строе эскимосов, на котором мы несколько остановимся.

Автор правильно разрешает вопрос о наличии в прошлом у эскимосов материнско-родового строя. Но следовало бы расширить привлекаемый им этнографический материал, ибо вопрос о социальной организации эскимосов имеет большое теоретическое значение в связи с проблемой материнского рода как универсальной стадии в истории человеческого общества.

У эскимосов Аляски еще в начале прошлого столетия русскими путешественниками описан материнский род, мужские дома «кажымы» и следы дуальной организации — деление на две матрилинейные секции: секцию Ворона и секцию Волка. Сложнее вопрос о социальной организации так наз. центральных эскимосов (к востоку от Аляски), у которых отсутствует родовая экзогамия и которые живут небольшими локальными группами из нескольких семей, обычно связанных брачными и родственными отношениями. Однако изучение системы родства центральных эскимосов, в которой проводится чёткое разделение отцовской и материнской линии родства, с несомненностью доказывает наличие у них в прошлом родового строя и, как показывают материалы по эскимосам Аляски, именно материнского рода. Исчезновение родовой экзогамии у центральных эскимосов и формирование локальных групп в большой степени связано, повидимому, со своеобразными условиями жизни охотников на льду, ведущими к разобщению небольших групп на огромных территориях.

Мы привели эти небольшие замечания лишь для того, чтобы дополнить материалы автора.

Последняя глава книги излагает общие выводы и взгляды автора по основным затронутым им вопросам. Несмотря на рекогносцировочный, как пишет автор, характер произведенных изысканий, на побережье Чукотского полуострова удалось обнаружить все основные стадии арктической культуры, известные на американском континенте и островах. Древнейшая, по мнению автора, стадия культуры представлена инвентарем из древнего поселения в Уэлене. Она соответствует оквикской стадии и названа автором уэлено-оквикской. Для нее характерно наличие наземных жилищ, крупная роль в хозяйстве, наряду с морской, также и сухопутной охоты и рыболовства и соответственно с этим использование для всевозможных поделок оленьего рога и моржового клыка; далее — особый тип наконечников гарпунов с каменными вкладышами, редкость шлифованных каменных орудий (обнаружены почти исключительно обтесанные орудия). Уэлено-оквикское искусство очень оригинально и отличается глубоко врезанным линейным орнаментом.

Помимо Уэлена эта стадия, датируемая концом II — началом I тысячелетия до н. э., представлена в инвентаре из селения Нунлигран. В последних столетиях до н. э. на севере Берингова моря наступает древнеберингоморская стадия культуры. На этой стадии почти исключительное значение имеет охота на морских животных; поделки из рога оленя почти исчезают; появляются в значительном количестве шлифованные каменные орудия; тип жилища — небольшие прямоугольные полуземлянки; собаководство, как и на предыдущей стадии, отсутствует. Для берингоморской стадии характерен своеобразный криволинейный орнамент. На западе берингоморская культура прослеживается до мыса Баранова, на побережье Аляски — на полуострове Стюарда и в заливе Коцебу. На Арктическом побережье до мыса Барроу на востоке и устья р. Колымы на западе берингоморской стадии соответствуют ипиутакская и бирнирская культуры — поздние фазы уэлено-оквикской стадии.

Следующая, пунукская стадия (начиная с III — IV в. н. э.) знаменует собою новый этап в развитии культуры Берингова моря. В это время прекращаются связи с югом и устанавливаются тесные взаимоотношения с северо-востоком Азии. Автор прослеживает это в инвентаре пунукской стадии, в котором выступает много новых типов орудий сибирского происхождения. Наряду с охотой на моржей и тюленей большую роль приобретает китовый промысел, но практикуется и сухопутная охота; это находит свое отражение и в использовании рога в качестве поделочного материала. Изменяются типы гарпуна; каменные орудия пунукской стадии почти всегда шлифованные. Пунукский стиль орнаментации резко отличается от берингоморского: криволинейный берингоморский орнамент сменяется более прямыми линиями и характерными, механически исполненными кружками с точками в центре. Распространялась пунукская культура на азиатском и американском берегах примерно в границах берингоморской культуры. Далее к западу от мыса Дежнева до устья Колымы была распространена, повидимому, культура тулэ. С начала XVII в. развитие древнеэскимосской культуры вступает в новую фазу, характеризующуюся наличием железа, упряжного собаководства и других новых элементов.

Такова кратко изложенная С. И. Руденко последовательность развития древних культур Берингова моря. Многие здесь спорно. Это в значительной степени результат того, что автор послушно следует за схемами американских археологов (Коллинза, Дженнса и др.) и не подвергает критике их положения, настоятельно нуждающиеся в пересмотре. Очень важное заключение об уэлено-оквикской стадии, как наиболее древней из обнаруженных на Берингоморском побережье, у С. И. Руденко недостаточно аргументировано. При отсутствии как данных стратиграфии, так и предметов, дающих абсолютную хронологию, заключение о соотношении уэлено-оквикской и берингоморской стадии остается предположительным. На основании анализа орнамента И. П. Лавров (устное сообщение) приходит к обратному, по сравнению с С. И. Руденко, выводам и считает уэлено-оквикскую стадию более поздней, более близкой к пунукской. Помещенное на таблице 4 скульптурное изображение медведя, которое С. И. Руденко относит к уэлено-оквикской стадии, по мнению И. П. Лаврова, является по стилю и технике исполнения орнамента поздне-берингоморским. Да и С. И. Руденко, указывает (стр. 9), что в Оквикской стоянке на Пунукских островах было найдено много предметов, типичных для пунукской культуры, в том числе и наконечников китовых гарпунов.

По вопросу о происхождении древнеэскимосской культуры автор формулирует следующие основные положения.

Эскимосская культура генетически не связана с мезолитическими и неолитическими культурами северной Европы и Азии. Наличие как у эскимосов, так и в мезолитических и неолитических культурах костяных орудий с каменными вкладышами, на которое указывают защитники гипотезы о родстве этих культур, не может служить, по мнению С. И. Руденко, убедительным аргументом, так как техника изготовления мезолитических и раннеэскимосских вкладышей (тонкие кремневые пластинки, отколотые от призматических нуклеусов) резко отлична от техники древнеэскимосской (вкладыши в форме наконечников стрел, обработанные отжимной ретушью). Наличие этих типов в мезолите, неолите и у эскимосов должно рассмат-

риваться как явление конвергентное. Далее автор рассматривает географическое распространение так наз. поворотных наконечников гарпунов, которые характерны для древнеэскимосской культуры и явились, несомненно, важнейшим техническим изобретением в жизни арктических морских охотников. Этот тип гарпуна, по данным автора, к западу от Колымы ни на азиатском, ни на европейском северном побережье не встречается. Гарпунный комплекс эскимосов имеет, по мнению автора, южное происхождение.

Каяк и умиак (кожаные лодки эскимосов) известны уже на ранних стадиях культуры Берингова моря, и автор склонен считать, что предки берингоморцев принесли с собою с юга и искусство мореплавания и высокую технику морского промысла. К выводам о южных связях древнеэскимосской культуры приходит автор и на основании анализа орнаментального стиля и скульптуры. Лишь с пунукской стадии устанавливаются более тесные взаимоотношения между приморскими охотниками на морского зверя и внутриконтинентального населения Сибири — процесс, который связан, быть может, с первоначальным освоением внутренних областей Чукотского полуострова перещедшими к оленеводству палеоазиатскими группами. Древнеэскимосская же культура ведёт нас, по мнению автора, на юг. «Морские зверобой — эскимосы, — пишет С. И. Руденко, — появились в области Берингова моря сравнительно поздно и оказались действительно клином, разделившим чуждые им, но родственные между собою народы северо-востока Азии и Северной Америки; пришли они в области Берингова моря, видимо, не с севера, а с юга, не из арктической Азии, а из островной юго-восточной её части» (стр. 113). Гипотеза автора, равно как и приводимые им соображения об отсутствии генетической связи эскимосской культуры с мезолитическими и неолитическими культурами Северной Европы и Азии, очень интересны; однако теория происхождения эскимосов из островной юго-восточной Азии требует дополнительных аргументов и встречается с рядом трудностей.

С. И. Руденко показывает наличие в древнеэскимосской культуре, особенно на берингоморской её стадии, южных влияний. Однако установлением этих южных элементов в древнеэскимосской культуре не разрешается проблема происхождения эскимосов.

Культура приморских охотников на арктическом побережье не ограничивается областью распространения древнеэскимосской культуры; на археологических материалах и по историческим данным она обнаруживается и на северо-западе Сибири, где оседлая приморская культура (подземное жилище, кожаная лодка, развитая охота на морского зверя) предшествует проникновению сюда самодийских оленеводческих групп. Если прав С. И. Руденко, что древняя приморская культура Западной Сибири не связана непосредственно с древней культурой Берингова моря, что теория эскимосско-самодийских связей не находит себе подтверждения, то мы должны признать развитие приморской арктической культуры на Западе вне связи с южными мореплавателями. Почему не допустить такой возможности и для развития древней культуры Берингова моря?

Отправляясь от взглядов А. П. Окладникова, что древняя эскимосская культура «представляет лишь крайнее звено Тихоокеанских береговых культур, принадлежащих оседлым племенам, главным занятием которых служило рыболовство в сочетании с морским зверобойным промыслом», — автор развивает, как мы видели, положение, согласно которому эскимосы являются недавними переселенцами из островной части Юго-Восточной Азии, — клином, разделившим народы северо-востока Азии и Северной Америки. Такое заключение, с концепцией А. П. Окладникова не связанное, требует привлечения, помимо материалов археологии, также данных этнографии, лингвистики, антропологии. Их, к сожалению, автор не приводит.

Южные элементы в берингоморской культуре не могут служить достаточным основанием, чтобы связывать её с переселением новых этнических групп в район Берингова моря. Проникновение на северо-восток Азии и в Америку отдельных южных элементов не ограничивается древнеэскимосской культурой; и в культуре северо-восточных палеоазиатов и, особенно, индейцев Северо-Западной Америки обнаруживаются южные связи различного исторического возраста.

Дальнейшие исследования должны обнаружить на Тихоокеанском побережье Северо-Восточной Азии более древние культуры, предшествовавшие древнеэскимосским, ибо здесь лежали пути древнейших переселений из Азии в Америку в эпоху её первоначального заселения. Широкие антропологические исследования, проведенные в последние годы на Чукотке и Камчатке Институтом этнографии АН СССР (Г. Ф. Дебец), поставили перед археологическими работами в этих районах ряд кардинальных проблем. На очереди — развертывание планомерных раскопок с применением тех методов детального обследования древних поселений, типов жилищ и т. д., которые дали столь блестящие результаты в работах А. П. Окладникова в Северной Якутии и на Колыме.

Работа С. И. Руденко — лишь веха на пути предстоящих исследований; рецензируемая книга — полезное собрание материалов к истории народов Северо-Восточной Азии.